

Нора Арт

Временные
провалы:
История
Эвелины Морган

Нора Арт

**Временные провалы:
История Эвелины Морган.**

«Автор»

2026

Арт Н.

Временные провалы: История Эвелины Морган. / Н. Арт —
«Автор», 2026

«Лора и Эвелин встречаются у дверей старого дома — и обнаруживают, что стоят по разные стороны трещины во времени. Правда о пропаже Эвелин и трагедии её семьи переворачивает их мир. Смогут ли они разгадать тайну и изменить ход событий, пока время окончательно не стёрло их следы?»

© Арт Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Неожиданная встреча.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Нора Арт

Временные провалы: История Эвелины Морган.

Неожиданная встреча.

Все персонажи в место действия в истории являются вымышленными и любые совпадения с реальными людьми или локациями случайны.

Солнце ещё держалось высоко, но длинные тени уже стелились по склону холма, будто пытались дотянуться до покосившихся ворот. За ними тянулась заросшая аллея: когда то тут были ровные дорожки, а теперь между камнями пробивалась высокая трава, и тонкие ветки шиповника цеплялись за всё подряд.

Сам особняк стоял, будто застывший в неловком наклоне. Кое где кирпичная кладка потемнела от времени, местами и вовсе раскрошилась, обнажая слои разных эпох — будто дом не один раз перестраивали, а потом бросили на полпути. Окна смотрели на Лору пустыми проёмами, и только в одном, на втором этаже, ещё дрожал тот самый неясный свет — то ли отблеск солнца в старом стекле, то ли что то другое, чему она не хотела пока подыскивать объяснение.

Воздух здесь был непривычно густой и тихий — такой, когда даже собственные шаги звучат громче, чем должны. Пахло сухой листвой, пылью и чуть чуть сыростью, будто за толстыми стенами давно не открывали окон. Где то высоко каркнула ворона, и звук прокатился по пустому двору, подчёркивая, насколько тут всё чужое и застывшее.

Лора Фергюс, восемнадцатилетняя, с рыжими волосами, подстриженными в аккуратное каре, катила велосипед вверх по холму. Велосипед предательски поскрипывал, будто ворчал на крутой подъём, а Лора только усмехалась: она любила эту старую железяку за то, что та не сдавалась. На ней была простая белая футболка, короткие джинсовые шорты и кроссовки — одежда, в которой удобно мчаться по тропинкам и не думать о том, как выглядишь. В заднем кармане шорт лежал телефон — привычный якорь в любом приключении.

Когда она подъехала к полуразвалившимся воротам, велосипед снова жалобно скрипнул, и этот звук странно слился с тишиной вокруг — будто даже старый металл здесь звучал чуть иначе, глуше и тяжелее. Ещё было светло, но тень от особняка уже накрывала двор, и от этого контраст казался резче: яркий день снаружи и тёмная пасть входа.

— Да, да, — крикнула она, подходя ближе к дому, — я вас видела, можете не прятаться. Но в ответ — тишина.

— Очень смешно, — продолжила Лора. — Выходите, и мы все вместе посмеёмся, как вы меня разыграли. Кристина, Салли!

И тут, будто только теперь, когда её голос прозвучал прямо у порога, входная дверь скрипнула — так громко и натужно, словно не привыкла к тому, что кто то решается её потревожить. Скрип прозвучал особенно резко на фоне этой густой тишины, будто дом сам нехотя приоткрыл завесу.

— Вот вы где! — обрадовалась Лора. — Салли, Кристина, выходите!

Но вместо её подруг в тёмном проёме показалась девушка, которую Лора точно никогда раньше не видела.

Девушка стояла в проёме спокойно, будто появление незнакомки у порога было самой обычной вещью. Тёмные длинные волосы свободно ниспадали на плечи, обрамляя лицо с тон-

кими, чуть строгими чертами. На ней было длинное зелёное платье, модное в начале двадцатого века: ткань мягко ложилась складками, подчёркивая осанку, в которой чувствовалось воспитание и привычка держаться прямо. Туфли той эпохи смотрелись непривычно рядом с современными кроссовками Лоры, но в них была своя изящная тяжесть, будто они знали каждый камень этого дома.

— Простите, — сказала девушка, — тут таких нет. Мы с семьёй уже давно проживаем в этом доме, и эти имена я слышу впервые.

Лора чуть нахмурилась, услышав спокойный, будто отрешённый голос, и подалась вперёд, всматриваясь в силуэт в проёме.

— Простите, — повторила девушка, и в её интонации не было ни испуга, ни тревоги, только лёгкая, почти домашняя строгость. — Как я уже сказала ранее, тут таких нет. Мы с семьёй уже давно проживаем в этом доме, и эти имена я слышу впервые.

Лора невольно усмехнулась, будто пыталась сбросить странное ощущение, что мир вокруг чуть чуть сдвинулся.

— Да ладно, — пробормотала она, прислоняя велосипед к покосившейся ограде. — Они вечно прячутся, когда я приезжаю. Может, вы их просто не заметили? Кристина, Салли! — крикнула она ещё раз, но тишина только плотнее обняла двор, проглотив её голос.

Эвелин чуть наклонила голову, рассматривая Лору так, будто видела не девушку, а какой-то непривычный узор. Её взгляд скользнул по белой футболке, по коротким шортам, по кроссовкам, задержался на странном предмете, который Лора машинально вытащила из кармана и тут же сунула обратно, будто пряча якорь в привычный мир.

— Вы... — тихо произнесла Эвелин, подбирая слова, — вы не из наших мест? Уж больно... необычно выглядите. Может, из за границы приехали?

Лора хмыкнула, не понимая, всерьёз ли это спрашивают.

— Из за границы? Да нет, я тут живу, в тридцати минутах отсюда. Просто... сейчас все так ходят. Ну, или чуть иначе. Зависит от погоды и времени года.

Она сказала это буднично, как говорят о чём-то само собой разумеющемся, и только потом вдруг зацепилась за слова Эвелин: «Мы с семьёй уже давно тут проживаем». И платье. И причёска. И то, как тихо и темно в доме, будто внутри не живут, а хранят что-то под замком.

Лора медленно подняла взгляд на девушку.

— Подождите... — она чуть запнулась, подбирая тон, чтобы не напугать незнакомку. — А... когда вы сюда переехали? Ну, я просто... этот дом уже лет сто как пустой стоит. Его даже обходить стали — говорят, тут... ну, всякое рассказывают.

Эвелин чуть нахмурилась, будто не поняла вопроса. Она не придавала значения фразе «уже лет сто как пустой стоит».

— Переехали? — переспросила она. — Мы здесь всегда жили. Отец купил этот дом ещё до моего рождения.

Лора хотела было возразить, сказать, что такого не может быть, но вдруг заметила, как спокойно и прямо смотрит на неё Эвелин — без страха, без хитрости, просто как человек, который говорит то, что считает правдой. И Лора осеклась.

— Ладно, — выдохнула она, стараясь звучать нормально. — Наверное, это какой-то розыгрыш. Меня, кстати, Лора зовут. Лора Фергюс.

— Эвелин, — чуть склонив голову, ответила девушка, и в этом жесте было что-то старомодное, почти церемонное. — Эвелин Морган.

Лора кивнула, запоминая имя, и вдруг почувствовала, как в груди шевелится не страх, а азарт — тот самый, от которого хочется идти вперёд, даже если не знаешь, куда ведёт дорога. Она ещё не делала выводов, не называла Эвелин ни призраком, ни гостьей из прошлого, потому что девушка стояла перед ней живая, тёплая, настоящая. И пугать её Лора не хотела. Но сопоставить факты она уже начала.

Эвелин смотрела на странную девушку, стоящую перед ней, и в груди у неё всё сжималось от неловкости и какой-то смутной тревоги. Ей казалось, что если она просто скажет правильные слова, то мир снова встанет на место.

— Вы меня извините, но это частная собственность. И мне кажется, вам пора уходить, — произнесла Эвелин твёрже, чем чувствовала на самом деле. — До свидания.

Она потянула на себя тяжёлую скрипучую дверь, будто надеялась, что этот привычный, родной скрип вернёт всё как было. Лора хотела что-то сказать — Эвелин видела, как приоткрылись её губы, как в глазах мелькнуло удивление, — но дверь уже закрылась, отрезав слова.

Закрыв дверь, Эвелин осталась в пустоте тёмного дома. Свет не горел, камин был потушен, угли давно остыли. Штукатурка на стенах облупилась, обнажая неровные слои кирпичной кладки, а пыль лежала на полу тонкими серыми дорожками, будто её не тревожили годами. Дом выглядел заброшенным — не просто пустым, а будто забытым временем.

Но как так? Эвелин не могла поверить. Всего несколько минут назад в доме был свет, в столовой накрывали к чаю, отец сидел в кабинете, а мама тихо напевала себе под нос, расставляя чашки. Люди были здесь — её люди. Но стоило ей открыть дверь, увидеть эту странно одетую девушку, и её привычный мир будто стёрся одним неловким движением.

«Если я снова открою дверь, может, всё вернётся, — подумала она, и эта мысль была одновременно отчаянной и до смешного простой. — Я снова буду дома».

Собравшись с духом, она решилась. Эвелин резко схватила за холодную ручку и рывком распахнула дверь. Та по-прежнему протестующе скрипнула, будто не хотела пускать её обратно в тот мир, который она только что потеряла.

На пороге, там же, где и была, стояла Лора. Только теперь она стояла спиной к двери, держа в руке ту самую странную светящуюся коробочку. Пальцы её быстро скользили по гладкой поверхности, будто она нажимала на невидимые кнопки. В этом движении было что-то до боли привычное и будничное — и оттого ещё более чуждое этому старому, застывшему дому.

Стоило Лоре только повернуться на скрип двери, как Эвелин, не раздумывая, снова захлопнула створку. Мрак тут же сомкнулся вокруг неё, плотный и глухой, отрезая её и от улицы, и от девушки с непонятной коробочкой, и от всего, что там происходило.

Снова оказавшись во мраке тёмного дома, Эвелин прислонилась спиной к двери и медленно сползла на пол. Холод дерева пробирался сквозь ткань платья, но она почти не замечала его. Она сидела, обхватив колени, и не понимала, что произошло. В тишине было слышно только, как гулко стучит её сердце, да где-то в углу тихо шуршал, наверное, мышонок — или ей просто хотелось думать, что это обычный, привычный звук, а не что-то новое и чужое.

Слёзы подступали к глазам, но Эвелин упрямо их сдерживала.

«Это просто дурной сон, — шептала она про себя. — Сейчас я посижу минуту, и всё станет как прежде: зажжётся лампа в коридоре, мама выйдет в переднюю, спросит, почему я сижу на полу, и поведёт меня пить чай...»

Но дом молчал. Он был не просто тихим — он был пустым. И это молчание ощущалось физически, как холод, который пробирался сквозь платье и оседал где-то под рёбрами.

И тут снаружи раздался тихий, но отчётливый звук — не скрип, а лёгкий стук костяшками пальцев по старой древесине.

— Эй... — голос Лоры прозвучал негромко, но очень ясно, будто она старалась не напугать, а просто напомнить, что она всё ещё там. — Ты в порядке? Я слышала, как что-то упало... Или это дверь хлопнула? Если тебе просто хочется побыть одной — я отойду, честно. Но если вдруг... ну, если там внутри что-то не так — скажи, ладно?

Эвелин замерла, прижимаясь затылком к холодной поверхности двери. Ей хотелось крикнуть: «Уходите! Оставьте меня в покое, пусть всё снова станет как было!» — но вместо этого губы сами прошептали совсем другое:

— Не уходите... — сказала она тихо, почти неслышно, будто боялась, что если скажет громче, то звук разобьёт и без того хрупкий мир. — Пожалуйста, не уходите.

За дверью на секунду повисла тишина, и Эвелин уже успела подумать, что Лора всё таки ушла, решив, что с этой странной девушкой из старого дома лучше не связываться. Но потом раздался тихий вздох, а следом — спокойный, чуть хрипловатый от ветра голос:

— Я тут. Стою. Смотрю на эту дурацкую дверь и думаю, что, наверное, впервые в жизни не знаю, что делать. Но уходить не буду. Если хочешь, можем просто молчать. Или... если тебе хочется рассказать хоть чтонибудь — я слушаю. Даже если это будет про то, какой сегодня день.

Эвелин закрыла глаза. Слова Лоры не возвращали ей ни света, ни голосов родных, но они делали темноту чуть менее страшной. Будто если кто то снаружи всё ещё говорит с ней, значит, мир не рассыпался окончательно.

Она медленно подняла руку и осторожно провела пальцами по шероховатой поверхности двери — как будто пыталась на ощупь найти ту самую границу, где кончается её дом и начинается чужой мир. И тихо, так, чтобы голос не дрожал, ответила:

— Сегодня двадцать третье октября. Тысяча девятьсот пятнадцатого года. И... раньше здесь всегда был свет.

Лора не стала спорить, не стала смеяться и не стала говорить: «Да ладно, ты шутишь». Вместо этого она просто тихо сказала:

— А у меня сегодня тоже двадцать третье. Только... две тысячи двадцать шестой. И тут всё ещё светло.

На этот раз тишина между ними была уже не глухой, а какой то другой — будто в ней можно было дышать.

Лора не стала подходить ближе к двери, не стала стучать снова. Просто села на нижнюю ступеньку, подтянула колени к груди и посмотрела на тёмную, тяжёлую дверь так, будто пыталась разглядеть сквозь неё хоть что то.

— Знаешь... — тихо сказала она, скорее чтобы просто разорвать эту давящую тишину, — я тут тоже немного растерялась. Честно. Я приехала, думала: сейчас мы с девчонками будем смеяться, есть чипсы, может, снимем какойнибудь дурацкий ролик... А вместо этого сижу тут и разговариваю с дверью.

Она чуть улыбнулась, хотя улыбаться совсем не хотелось.

— Если хочешь, можешь вообще ничего не говорить. Или можешь рассказать про свой дом. Про тот, который был раньше. Про людей, которые в нём жили. Я просто посижу и послушаю.

Внутри, у самой двери, Эвелин всё так же сидела, прижавшись спиной к дереву. Пальцы её до побеления сжимали ткань платья. Но слова Лоры не были резкими, не требовали ответа, не пытались её вытащить силой — и от этого дышать становилось чуть легче.

— Тут... — голос Эвелин дрогнул, и она поспешила его выровнять, будто стыдясь этой слабости. — Тут раньше всегда пахло цветами и воском. Мама натирала полы каждую субботу, и запах стоял такой, что даже в саду его было слышно. А в столовой на буфете стояла фарфоровая чашка с золотой каймой — она звенела, если её случайно задевали. И отец всегда говорил: «Не бегайте в гостиной».

Она замолчала, прислушиваясь к себе: не вернётся ли этот привычный мир, если она просто вспомнит его достаточно подробно. Но дом по прежнему молчал.

Лора не перебивала. Она просто сидела, смотрела на дверь и думала, как странно: она не видит лица Эвелин, не видит её глаз, но по голосу уже понимает, что та сейчас очень очень боится.

— А сейчас тут пахнет пылью и сыростью, — тихо добавила Лора, будто подсказывая, что она всё слышит. — И тихо так, что даже листья не шуршат.

Эвелин кивнула, хотя Лора этого не видела.

— Да, — прошептала она. — Слишком тихо. Как будто дом... уснул. Или умер.

Пауза повисла между ними, густая и тяжёлая. Но уже не враждебная.

Потом Лора чуть наклонилась вперёд, будто хотела, чтобы голос звучал ближе, доверительнее.

— Слушай, я не знаю, что тут происходит. Правда. Но я не хочу уходить. Если ты не готова выходить — окей. Но я тут. И... если вдруг захочешь посмотреть на что то, что тебе покажется странным, я могу объяснить. Без спешки.

Она достала из кармана телефон. Экран мягко засветился в полумраке, и этот ровный, неестественно яркий свет будто стал маленьким маяком посреди всей этой темноты. Лора не открывала дверь, не тянула к ней руку — просто держала телефон на ладони, позволяя свету лежать на пальцах.

— Вот, например, эта штука. Ты её видела, когда я доставала. Это телефон. Он как... ну, как письмо, только быстрее. И как библиотека, только вся помещается в руке. И ещё в нём есть карты, музыка, фотки... В общем, куча всего.

С той стороны двери Эвелин медленно подняла голову. Она не видела экрана, но чувствовала этот свет — он пробивался даже сквозь щели в старой древесине, тонкими золотистыми нитями.

— Он... светится сам? — спросила она осторожно, почти шёпотом, будто боялась спугнуть это чудо. — Без свечи? Без лампы?

Лора улыбнулась, на этот раз искренне.

— Ага. На аккумуляторе. Это такая штука внутри, которая хранит электричество. Ну, энергию. Сложно объяснить, но работает вот так.

Она провела пальцем по экрану, и на нём тихо звякнул какой то звук — обычное уведомление, которое в любой другой день Лора просто смахнула бы, не глядя. Но сейчас этот звук прозвучал как что то невероятное.

— Что это было? — голос Эвелин стал чуть громче, в нём мелькнуло любопытство, пробившееся сквозь страх. — Этот звон... он из коробочки?

— Из неё, — кивнула Лора. — Это мне кто то написал. Сообщение. Прямо сейчас, пока мы тут сидим. Можно даже не вставать, не бежать на почту — оно само приходит.

Эвелин прижала ладонь к двери, будто хотела почувствовать, как этот звон проходит сквозь дерево.

— Значит, кто то... прямо сейчас думает о тебе? И ты можешь ему ответить, не выходя из дома?

— Ну да, — Лора пожала плечами, хотя Эвелин этого не видела. — Или не отвечать. Или вообще выключить и просто сидеть.

Они снова помолчали. Но теперь тишина уже не давила. Она стала другой — как будто между ними протянулась тонкая, хрупкая ниточка.

И тут Лора вдруг замерла. В голове у неё щёлкнуло что то простое, но от этого не менее важное.

— Ты сказала... твой отец купил дом до твоего рождения, — медленно произнесла она, вспоминая их первый разговор. — Ты говорила про чай, про воск... про то, как тут всё было. А я... я живу в 2026 году. И для меня этот дом уже сто лет как пустой. Его все обходят стороной.

Она сделала паузу, подбирая слова, чтобы не напугать ещё сильнее.

— И знаешь... мне кажется, ты не просто так оказалась у этой двери. Мне кажется... мы с тобой из разных времён.

За дверью Эвелин перестала дышать. Слова Лоры упали в темноту, тяжёлые и невозможные, и повисли там, не находя опоры.

— Из... разных времён? — переспросила она, будто пробуя фразу на вкус. — Но как? Время одно. Оно идёт... как река.

— Наверное, — тихо согласилась Лора. — Но иногда река делает петлю. Или в ней появляется трещина. Я не знаю, как это работает. Но... посмотри на мой телефон. На мою одежду. На то, что дом не совсем в идеальном состоянии.

Эвелин медленно покачала головой, всё ещё не готовая поверить. Но потом её пальцы снова коснулись двери, и она тихо, почти беззвучно, спросила:

— А если я открою... снова открою эту дверь... я вернусь домой? В свой дом, где пахнет воском и цветами?

Лора сжала телефон в ладони, чувствуя холодный металл.

— Не знаю, — честно ответила она. — Может, да. А может... мы просто увидим, что всё осталось таким же. Но знаешь, что я точно могу сделать? Я могу посидеть тут. И могу рассказать тебе про мой мир. Про то, как мы живём. Чтобы ты не чувствовала себя совсем одной.

Эвелин закрыла глаза. Слова Лоры не возвращали ей дом, но они давали ей что то другое — кого то, кто не убегает, не кричит, не считает её сумасшедшей. Кого то, кто просто сидит по ту сторону двери и говорит: «Я тут».

— Расскажи, — вдруг тихо сказала Эвелин. — Расскажи про этот твой мир. Про элек... Как там ты это назвала? Про письма, которые приходят сами. Я... я хочу знать, куда я попала.

Дверь заскрипела — этот звук будто расколол тишину пополам. Эвелин осторожно показала из за неё, будто сама не верила, что решилась выйти. Глаза её были широко распахнуты, плечи чуть приподняты, как у человека, который ждёт, что вот вот случится что то страшное.

Лора по прежнему сидела на ступеньках, не шевелясь, чтобы не спугнуть. В руке она держала телефон — не размахивала им, не тыкала экраном в лицо, а просто держала, как держат что то привычное и спокойное. Свет от экрана лёг мягкими бликами на её пальцы, на край футболки, на поцарапанную ступеньку.

Эвелин медленно опустилась рядом, не сводя глаз с этой светящейся коробочки. Она села так, чтобы между ними оставалось чуть чуть места — достаточно, чтобы можно было вскочить и убежать, если вдруг всё это окажется злой шуткой. Но бежать не хотелось. Хотелось понять.

— Что ещё может это делать? — прошептала Эвелин, указывая на телефон дрожащим пальцем, будто боялась, что если коснётся, то коробочка вспыхнет или исчезнет.

Лора улыбнулась — не насмешливо, а как улыбаются, когда видят, как кто то впервые замечает что то по настоящему удивительное.

— Можем смотреть кино, — тихо сказала она, будто тоже не хотела нарушать эту хрупкую тишину. — Прямо вот так: открываешь приложение, нажимаешь кнопку — и на этом маленьком экране мелькают целые миры. Можем слушать музыку: любую, какую захочешь. Хоть джаз, хоть рок, хоть колыбельную. Можем играть в игры — там бывают целые королевства, лабиринты, гонки... А ещё можем общаться с людьми на другом конце света. Написал сообщение — и через секунду человек его читает. Даже если он сейчас в Австралии.

С каждым словом Эвелин вздрагивала, будто Лора перечисляла не функции гаджета, а заклинания. Её глаза становились всё шире, брови ползли вверх, а пальцы невольно сжимали ткань платья.

— Ты меня пытаешься надурить? — наконец выдохнула она, и в голосе её не было злости — только отчаянная надежда, что это всё таки шутка, потому что иначе мир становился слишком огромным и странным. — Как это всё помещается вот сюда? Она же такая маленькая!

Лора чуть наклонила голову, будто смотрела на телефон чужими глазами — и вдруг увидела его заново: гладкий прямоугольник, который выглядит так обыденно, а на самом деле хранит в себе столько всего, что даже ей, выросшей среди этих вещей, иногда становится не по себе.

— Сама до сих пор иногда не верю, — призналась Лора, крутя телефон в пальцах. — Знаешь, мне кажется, мы к этому просто привыкли. Видим каждый день, трогаем, тыкаем в него, когда скучно... И забываем, что это на самом деле чудо. Просто... другое чудо, не такое, как в сказках.

Она провела пальцем по экрану, и тот послушно ожил: на фоне появилась фотография — Лора с подругами на пляже, солнце, песок, ветер треплет волосы.

— Вот, смотри, — сказала Лора, поворачивая экран так, чтобы Эвелин могла видеть. — Это я. В прошлом году. Мы ездили на море. Я нажала кнопку — и картинка осталась. Теперь я могу смотреть на неё хоть каждый день. А раньше, чтобы сохранить чей то образ, нужно было звать художника, сидеть часами, пока он рисует...

Эвелин подалась вперёд, почти касаясь экрана кончиком носа. Она водила взглядом по картинке, будто пыталась разглядеть в ней какую то тайну.

— Это... не рисунок? — прошептала она. — Не акварель?

— Нет, — покачала головой Лора. — Фотография. Её делает камера — вот тут, сзади. Ловит свет и сохраняет картинку.

Эвелин покачала головой, будто пыталась уложить это в голове, но слова рассыпались, как песок сквозь пальцы.

— В нашем мире... — тихо начала она и осеклась. Потом снова попробовала: — В моём мире, если ты хочешь показать кому то, где была, ты пишешь письмо. Или рисуешь. Или рассказываешь. И никто не верит, потому что слова... они такие ненадёжные. А тут... тут есть доказательство.

Она подняла глаза на Лору, и в них было столько растерянности и восторга одновременно, что Лоре вдруг захотелось обнять её — просто чтобы сказать: «Всё нормально, я тут, я всё покажу». Но она сдержалась. Вместо этого она просто чуть подвинулась, освобождая Эвелин ещё немного места, и сказала:

— Хочешь, покажу чтонибудь совсем простое? Например, погоду. Или карту, где видно весь город сверху. Или... ну, не знаю, котиков. У нас в интернете полно котиков, они здорово помогают, когда мир кажется слишком странным.

Уголок губ Эвелин чуть дрогнул — будто она хотела улыбнуться, но боялась, что улыбка выйдет кривой и нелепой.

— Покажи... котиков, — тихо сказала она. — Если можно.

Лора кивнула, будто это была самая важная просьба на свете. Она снова коснулась экрана, и через пару секунд на нём появилась картинка: пушистый рыжий кот развалился на подоконнике, шурясь на солнце.

Эвелин тихо ахнула.

— Он... настоящий? — прошептала она, будто боялась спугнуть изображение.

— Ну, он где то там, — улыбнулась Лора. — Не здесь, не рядом. Но он был. И кто то его сфотографировал. И теперь мы можем на него смотреть.

Эвелин долго смотрела на кота, будто пыталась найти в нём какую то подсказку, какое то объяснение всему, что с ней происходит. Потом она медленно подняла глаза на Лору.

— Я не понимаю, — честно призналась она. — Совсем. Но... мне не страшно. Пока не страшно. Потому что ты всё это объясняешь.

Лора глубоко вздохнула. Слова крутились на языке — те самые, про разные времена, про трещины в реке. Но она не стала их произносить. Не сейчас. Сейчас Эвелин нужно было что то простое, понятное, тёплое.

— Знаешь, — сказала Лора, убирая телефон в карман, но так, чтобы он всё ещё был под рукой, — иногда не нужно всё понимать сразу. Иногда можно просто сидеть, смотреть на котика и думать: «Ну, ладно, это странно, но, по крайней мере, котик милый».

Эвелин слабо улыбнулась. Улыбка вышла робкой, как первый солнечный луч после долгого дождя.

— Котик... милый, — повторила она, пробуя слова на вкус. И вдруг добавила: — А если... если ты покажешь мне ещё чтонибудь? Не сложное. Просто... чтобы я знала, как выглядит твой мир.

Лора кивнула.

— Покажу, — пообещала она. — Всё, что захочешь. По чуть чуть. Чтобы не закружилась голова.

И они посидели так ещё немного: две девушки, разделённые не только дверью, но и целым столетием, а теперь сидящие бок о бок на старых ступеньках. Одна — из мира писем и свечей, другая — из мира экранов и мгновенных сообщений. И между ними сейчас не было ни страха, ни спешки. Только тихий вечер, скрип старого дома и робкое любопытство, которое потихоньку разгоняло тьму. — Ты знаешь... — вдруг произнесла Лора, будто слова сами провались сквозь уютную тишину, которую они так старательно собирали по кусочкам. — Вокруг этого дома ходят разные истории.

Эвелин чуть нахмурилась, прислушиваясь не столько к словам, сколько к тому, как они прозвучали: осторожно, с какой-то виноватой тяжестью.

— И какие же? — поинтересовалась она, но в голосе уже не было прежнего любопытства — только насторожённость, будто она вдруг почувствовала, что под старыми ступенями может оказаться не просто пыль, а что-то острое.

Лора посмотрела на неё прямо.

— Ты действительно готова их услышать? — спросила она тихо. — Они не самые добрые. И... частично о тебе и твоей маме.

Эвелин замерла. Даже воздух будто стал гуще, и каждый вдох давался чуть труднее.

— Моей маме? — её губы дрогнули, и она невольно подалась вперёд, будто хотела силой мысли вытянуть из Лоры нужные слова. — Ты... ты знаешь, что с ней случилось? А где мой отец? А мои сёстры и брат?

Она придвинулась к Лоре почти вплотную, так, что между ними не осталось ни сантиметра той осторожной дистанции, которую Эвелин так старательно держала.

— Умоляю тебя, скажи, скажи, что ты знаешь!

— Тише, тише, — Лора мягко накрыла ладонью дрожащие пальцы Эвелин, не отпуская, но и не сжимая слишком крепко — просто чтобы дать почувствовать: она здесь, она не уйдёт, не бросит её одну в этой нарастающей буре. — Я знаю не очень много. Только то, что было в местных легендах. Но ещё можно посмотреть в интернете.

— Посмотри, в этом своём интернате! Пожалуйста!

Лора чуть улыбнулась, но улыбка вышла грустной, натянутой.

— Правильно, в интернете. Это такая мировая паутина.

— У вас здесь пауки водятся? — вдруг спросила Эвелин, и в её глазах мелькнул настоящий испуг. — И насколько они большие?

Она стала озиаться по сторонам, будто в любой момент из тени могла выползти что-то жуткое, и при этом вцепилась в руку Лоры так, что побелели костяшки.

Лора тихонько улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка получилась как можно спокойнее, почти обыденной.

— Тут нет пауков. Это просто такое название. Паутина — значит, всё связано между собой. Как ниточки.

Она не стала тянуть. Не хотела, чтобы ожидание сделало правду ещё страшнее. Лора достала телефон, экран привычно вспыхнул в полумраке, и пальцы её на секунду замерли над клавиатурой.

— Давай глянем, что интернету известно о тебе и твоих родственниках.

И она ввела поисковый запрос.

Экран послушно выдал результаты. Лора бегло пробежалась глазами по строчкам, по заголовкам старых статей, по цифрам и датам, которые вдруг перестали быть просто буквами и стали чем-то тяжёлым, осязаемым.

Правда была именно такой: после того как Эвелин Морган, старшая дочь магната, пропала в 1915 году — о чём писали крупные газеты, — все силы семьи и деньги были брошены на её поиски. Шесть лет бесплодных поисков. Мама Эвелин не выдержала горя и умерла; её похоронили в семейном склепе за особняком. Оставшаяся часть семейства Морганов покинула злополучный дом и вернулась в Европу.

Теперь перед Лорой встала та самая дилемма: рассказать всё сразу, обрушить на Эвелин эти холодные, безжалостные факты — или попытаться смягчить удар, дать ей опору, прежде чем она узнает, что её мир не просто сдвинулся, а треснул до самого основания.

Лора медленно выдохнула, закрыла глаза на секунду, будто пытаясь собрать слова в правильном порядке. Потом снова посмотрела на Эвелин. Та сидела, сжавшись, как перед ударом, и всё ещё не отпускала её руку.

— Слушай, — начала Лора, подбирая каждое слово, как хрупкие стёклышки, которые нельзя уронить. — Я нашла кое что. Но это... тяжело. И я не хочу просто вывалить это на тебя.

— Нет, — резко сказала Эвелин, будто боялась, что если Лора начнёт щадить её, то правда ускользнёт, растворится в вежливых фразах. — Не надо мягче. Я не ребёнок. Если ты знаешь — скажи. Я должна знать, что стало с моей семьёй.

Лора кивнула. Она поняла: сейчас Эвелин нужна не мягкость, а честность. Пусть даже она будет острой, как стекло.

— Хорошо, — тихо сказала она, глядя Эвелин прямо в глаза, чтобы та видела: Лора не прячет взгляд, не врёт, не отводит глаза. — Тогда слушай.

И Лора начала рассказывать. Сначала — про исчезновение. Про то, как о нём писали газеты. Про долгие, отчаянные поиски, на которые семья бросила всё. Потом, подбирая интонацию, чтобы голос не дрожал, она дошла до самого тяжёлого: про то, как мама Эвелин не вынесла горя. Про склеп за домом. Про то, что семья уехала.

С каждым словом Эвелин будто становилась чуть тише, будто из неё медленно уходила сила, но она не отворачивалась. Она слушала, крепко стискивая пальцы Лоры, как будто эта рука была единственной вещью, которая удерживала её на месте, не давала рассыпаться на тысячи крошечных осколков.

Когда Лора закончила, воцарилась тишина. Не та уютная, что была раньше, а тяжёлая, звенящая. Эвелин медленно опустила взгляд на их сцепленные руки, потом снова подняла глаза на Лору. В них не было слёз, но была такая глубокая, пронзительная пустота, будто она пыталась осознать, что теперь она — не просто девочка из старого дома, а призрак собственной истории.

— Значит, меня... не нашли, — прошептала она, словно пробуя эти слова на вкус, и они оказались горькими. — А мама... она умерла, думая, что я пропала.

— Да, — тихо подтвердила Лора. — Но она до последнего верила, что ты вернёшься. Они все верили.

Эвелин закрыла глаза, и по щеке всё-таки скользнула одна-единственная слезинка, которую она тут же поспешно смахнула, будто стыдясь этой слабости.

— Прости, — пробормотала она, отводя взгляд. — Я обещала себе, что не буду плакать.

— Не извиняйся, — Лора чуть подвинулась и, не спрашивая разрешения, осторожно обняла Эвелин за плечи, позволяя ей уткнуться в плечо, спрятаться от этого огромного, внешне ставшего слишком жестоким мира. — Плакать тут можно. Здесь безопасно.

Они посидели так ещё немного. Ветер шевелил сухие листья у подножия ступеней, где-то вдалеке прокричала птица, и старый дом тихо поскрипывал, будто вздыхал вместе с ними.

А потом Эвелин чуть отстранилась, вытерла глаза и посмотрела на Лору с той упрямой решимостью, которая появляется у людей, когда они понимают, что мир изменился, но сдаваться не собираются.

— Спасибо, что сказала правду, — проговорила она тихо, но твёрдо. — Теперь я знаю. И... я не хочу сидеть и жалеть себя. Если я действительно оказалась в будущем, значит, мне нужно понять, как это случилось. И, может быть... может быть, есть способ всё исправить. Или хотя бы не дать этому повториться.

Лора кивнула, понимая, что сейчас Эвелин нужно не утешение, а цель.

— Тогда давай разбираться вместе, — сказала она, снова доставая телефон, но теперь уже не чтобы показать чудеса, а чтобы искать ответы. — С чего начнём?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.